

Новый министр народного просвещения генераль-адъютант П. С. Ванновский. (Портр. на этой стр.)

Именным Высочайшим указом, от 24-го марта т. г., на пост министра народного просвещения призван бывший военный министр генераль-адъютант, генерал-от-инфантерии Петр Семенович Ванновский.

Вслед за этим назначением появился 25-го марта т. г. следующий знаменательный Высочайший рескрипт на имя нового министра: «Петр Семенович. Правильное устройство народного образования составляет всегда одну из главных забот Русских Государей, твердо, но постоянно стремившихся к его усовершенствованию в соответствии с основными началами русской жизни и потребностями времени. Опыт последних лет указал однако на столь существенные недостатки нашего учебного строя, что Я признаю благовременным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению.

Высоко ценив вашу государственную опытность и просвещенный ум, Я избрал вас в содрузья Себе во деле обновления и устройства русской школы и, призывая вас на особо важную ныне должность министра народного просвещения, твердо уверяю, что вы строго и неуклонно будете идти к намеченной Мною цели и во деле воспитания русского юношества внесете умудренный опытом разум и сердечное о нем попечение.

Да благословит Господь Наши труды, да помогут Нам в них родные и семьи, ближайшим образом обязанные нести о своих детях, и тогда скоро наступит время, когда Я и со Мною весь народ будем с гордостью и утешением видеть во молодом поколении твердую и верную надежду Отечества и стойкую опору его во будущем.

Искренно уважающий Вас
НИКОЛАЙ.

Генерал-адъютант П. С. Ванновский родился 24-го ноября 1822 г. и в прошлом году минуло 60-летие его службы в офицерских чинах. Доблестный участник персидской и турецкой кампаний 1853 г., П. С. Ванновский особенно выдвинулся во время последней русско-турецкой войны, за боевые отличия в которой удостоен был ридской награды — св. Георгия 3-й степени. После войны, произведенный в 1878 г. в генерал-адъютанты, П. С. Ванновский призван был в 1881 г. в преемники графа Д. А. Милютина на пост военного министра, на котором оставался вплоть до 1898 г. За эти 17 лет управления военным министерством, П. С. усовершенствовал военную организацию и развил наши боевые силы. Много сказал П. С. в области военного дела. Военные гимназии преобразованы были в кадetsкие корпуса, медико-хирургическая академия — в военно-медицинскую, образованы воздухоплавательный учебный парк и учебная электротехническая школа, открыт офицерский курс восточных языков, выдвинут вопрос о физическом образовании в военно-учебных заведениях.

Оставив по растреснутому здоровью управление министерством, П. С. был назначен 1-го января 1898 г. членом государственного совета. В 1899 г. на П. С. было возложено ответственное поручение исследовать причины и обстоятельства возникших студенческих беспорядков.

За свою продолжительную и ревностную службу П. С. Ванновский награжден всеми русскими орденами до св. Андрея Первозванного включительно и получил много Высочайших благодарностей. В настоящее время П. С. состоит почетным президентом Императорской военно-медицинской академии, почетным членом Императорской академии наук и академиком императорского генерального штаба, михайловской артиллерийской и николаевской инженерной, шестом тираспольского военного имени полка, почетным старшим в Суворовской ставке кубанского казачьего войска, почетным казаком сибирского казачьего войска, а также нескольких ставных астраханского, оренбургского и уральских казачьих войск.

Московский Художественный театр.

(Портр. и рис. на стр. 278 и 279.)

Во деле искусства, как и во всяком другом деле, рутина является очень опасным явлением. Не следует признавать художников за бездумными оглядка на назад и постоянно вызывать их «заветами славного прошлого». Исание новых путей должно быть одним из самых священнейших занятий всякого истинного художника.

Таими некакими новых путей в трудном и сложном сценическом искусстве, являются, по примету мейншгенцев, недавно гостившие в Петербурге, основатели и организаторы московского Художественного театра, Вл. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский. Гастроли этого театра в Петербурге были небывалый успех; с трудом можно было достать место на его представлениях; в печати и обществе только и было толков об этих спектаклях. Художественный театр возбудил интерес к сцене и сценическим произведениям, интерес серьезный и глубокий, понава пчело новое и пчело действительное.

Во чем же заключалось это новое?

Русское искусство, и в особенности сценическое, всегда было реалистическим, а в последнее время дошло до реализма, до его крайнего вывода — натурализма; возникания на Западе течения, в вид возрождения романтизма, типичным образцом которого является, напр. «Принцесса Греза», возрождения героической комедии («Сирано де-Бержерак»), символизма («Ганселе», «Потопный колокол»), декадентства («Джоконда» Аннуиди) и пр., отражались и у нас, но всегда поверхностно, мимолетно, скоропреходяще. Основной нотой русского театра остался реализм репертуара и исполнения. Тщательность натуралистической постановки и обстановка пьес в простота, *жизненность* игры были теми основными началами, на которых покоилось русское искусство и который тайно по душ русскому обществу. И теми же не менее недовольство публики нашими образцовыми сценами росло и крепло с течением времени.

И тщательная постановка пьес, и цветы дарований и талантов, собранных на казенных сценах и лучших частных театрах, уже ничего нового не удовлетворили. Публика слушала и охладела к произведениям и исполнителям.

И вот явился Художественный театр и точно разбудил сонное царство. Художественный театр по отступил от «основных начал» русской сцены, не поступил ни одним из принципов ее школы; можно повторить эти приказания к нему слова: «он пришел не нарушить закон, а исполнить». Действительно, сценическая обстановка доведена в этом театре до возможного на сцене реализма, игра артистов — до возможной жизненной простоты, т. е. делается по возможности все то же, что и на других, больших и хороших сценах. Но, во то время, как на других сценах все это приобряет характер мертвящей скуки, реализм производит впечатлительный антитеатральный явления в ультра-натурализм, а простота, будничность игры граничит с тем, что называется простотой, которая хуже воровства, на сцене Художественного театра все живет, дышит, движется и производит глубокое художественное впечатление.

Чем же это достигается? Тем, конечно, что этот театр ставляет зрителя проникнуться *настроением* исполняемого сценического произведения. Он заражает зрителя этим настроением и дает ему то, чего был бы лишены до сих пор в других театрах. Картина может быть написана совершенно по строгому рисунку, блестяще по колориту и мастерству письма, симпатичною по тенденции и она может, за всеми этим, остаться мертвое, остаться лишь красивым по форме, ярким по краскам пятном, который лишает аромата. Настроение и есть этот тонкий аромат художественного произведения. Те же произведения, которые давались на сцене московского театра, мы видели и на других сценах как хорошими и, даже, лучшими исполнениями, артисты играли талантливо, сцена была обстановкой прекрасно. Но пьеса не производила того поразительного впечатления. Казалось, перед нами разыгрывалась симфония, где каждый солист играл превосходно, стараясь блеснуть совершенством своей техники, виртуозностью своего исполнения. И в сольных местах мы слышали этого виртуоза с интересом и любопытством, но в ансамблях он не только не интересовал нас, а даже мешал, потому что старался выделиться, завоевать наше исключительное внимание, иди не во пугу с остальными исполнителями, а опередил их. В результате часто получалось чувство досады. Оркестр без капельмейстера, где каждый солист думает о себе, а не об исполняемом произведении, или же оркестр с капельмейстером, потонувшим единственной работой удерживать музыкантов во пределах такта и ритма и совершенно равнодушным к духу, к настроению музыкального шедевра. Такова картина большинства наших драматических театров, не исключая и казенных.